

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Т. Л. Айрапетян

УКАЗАТЕЛИ СИМВОЛОВ В АРМЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Древний человек, наблюдая за небесными светилами, пытался понять их движение и осмыслить время. Процесс осмысления и поиска был выражен также в волшебных сказках, где время измеряется не реальными единицами, а определенными информативными кодами.

В армянских народных сказках «Яблоко бессмертия», «Сын охотника», «Король Симавон и Роза», «Змея Маил», «Дочь царя Зарзанда» и других герой преодолевает время и пространство в одно мгновение с помощью птиц с кремневыми ногами и коней с искрящимися волосами, воспламеняющимися от трения с кремнем. В данном случае встречается мотив птицы/коня — посредника между двумя мирами [1, с. 239–240].

Календарные и астрономические представления, отраженные в сказках, обусловлены закономерностью движения небесных тел и планет, видимых невооруженным глазом, а также моделированием календарных элементов (время года, месяц, неделя, день и ночь) и их воздействием на сельскохозяйственную деятельность человека. С незапамятных времен герой армянской сказки делил небо на созвездия и обозначал их именами обожествленных предков — Айк-Орион, Ваагн–Млечный путь [2, с. 65–67].

Приведенные в сказках лекарственные средства, молитвы и бальзамы являются ритуально-магическими и биофизическими

указателями излечения [3, Р. 369–380]. Можно предположить, что ритуально-магические (лечебный заговор, колдовство, космологические и астрономические представления) и биофизические понятия (операция, купание, бальзам, лекарственные средства животного и растительного происхождения), по существу, имеют одинаковое значение, так как в руках у врача три средства лечения — слово, растение и нож. Армянская народная медицина, несмотря на богатый опыт, постоянно развивалась. В то же время сочетающиеся с лечением заговоры и упорядоченность питания (диета) в качестве ритуала просуществовали до наших дней.

Фольклористы М. Абегян, С. Арутюнян, А. Саакян выявили преемственную связь архаических мотивов между ранними записями средневековых историков и поздними вариантами эпоса армянского народа, а именно между «Випасанком» и «Сасунскими удальцами». Параллели этих мотивов отражены в армянских народных сказках, соответствующих номеру АТ 590 международного каталога Аарне–Томпсона [4]. Подобные сказки (зафиксировано 37 их вариантов) были распространены во многих областях исторической Армении и в армянской фольклористике сгруппированы под общим названием «Царевич и нарукавные повязки». Указанный мотив повествует о том, как мать, войдя в предательский сговор с драконом, поручает последнему разрезать на кусочки тело сына и выколоть ему глаза.

В мифологии именно воскрешением героя объясняются ритуально-мифические представления о модели мира, пережитки которых прослеживаются и в «Випасанке», и в «Сасунских удальцах», и в армянских волшебных сказках. По пути из потустороннего в настоящий мир птица, сохраняя под языком мясо бедренной части тела героя, своей слюной и пером исцеляет его. В некоторых сказках птицу заменяет собака. По нашему мнению, в обоих случаях этот мотив сопоставим с мотивом облизывания ран погибших героев армянскими архаическими собакообразными божествами. Они известны как Аралезы, которые лижут раны Ара Прекрасного и имеют связь с мифологемой смерти и воскрешением божества.

Бытующий в армянских волшебных сказках эдипов мотив, несовместимый с современными нормами морали, включает воспоминания о групповом браке, присущем древнейшему периоду

развития человечества. В мифическое время инцест не являлся нарушением норм [5, с. 313]. Это прежде всего были браки между первопредками, представлявшими собой единственную пару на Земле [6, с. 52–53]. Освещаемый в армянских волшебных сказках эдипов мотив представляет интерес для исследования архаических мифов.

Очевидно, что сюжеты армянских волшебных сказок, принадлежащих типу Аарне–Томпсон (АТ) 433, имеют связь с обрядом инициации. Исследуемым материалом подтверждается, что наполненные жизненным зарядом органические указатели (жемчуг–садаф–гахтакур, буст–коралл–марджан) передают мотив данных обрядов. Согласно армянским сказкам «Сказка о коралле», «Царевна садаф» девушки забеременели после глотания жемчуга и коралла. Бусы похожи на зерна и связаны с мотивом непорочного зачатия.

В сказках также отражена традиция наречения личных имен, которая связана с различными обрядами и иногда раскрывает черты быта и древних верований, ранее неизвестные.

В личных именах содержится большой пласт информации. Анализ этимологических, словообразовательных, смысловых данных личных имен, имеющийся в армянских народных сказках, проливает новый свет на процесс этнокультурного и исторического развития народа.

По нашим наблюдениям, в армянских народных сказках личные имена в зависимости от происхождения делятся на четыре группы.

1. Личные имена, связанные с тотемистическими представлениями о растениях, животных и органических соединениях, а также обусловленные родоплеменными отношениями. Например, Ареват, Агуник, Маргарит, Садаф, Корюн, Гарник.

2. Личные имена, обусловленные родом деятельности: Ранчпар — ‘пахарь’, Торчи — ‘рыбак’, Дерзик — ‘портной’.

3. Личные имена, обусловленные случайными обстоятельствами, а также с намерением на удачу: Аствацатур — ‘данный богом’ или Богдан. У разных народов в семьях, где дети часто умирали, ребенка прятали вне жилья, чтобы обмануть «нечистую силу», а после «находили», делая вид, будто это не свой, а чужой

ребенок [7, с. 17]. Поэтому нередко были имена Найден, Ненаш, которые существуют как в быту, так и в сказках.

4. Имена, связанные с христианскими верованиями: Мария — Мариам, Алексей — Алексан, Иоанн — Ованнес, Богдан — Аствацатур и т.д.

Один из распространенных мотивов в волшебных сказках — почитание красной коровы [8, с. 173] — мы наблюдаем в следующих текстах: «Сказка о красной корове», «Красный вол и дракон», «Бурый вол», «Красная корова» и т.д., которые имеют параллели в каталоге Аарне–Томпсона под номерами (АТ) 510+511А+511А*. Втайне от злой мачехи дети-сироты зарыли рога, ноги, копыта коровы в углу яслей, сосали ее рога, насыщались — питались от «рога изобилия». Данный мотив связан с архаическими религиозно-мифологическими представлениями. На основании представленного в нем понятия кости содержат в себе дух живых существ, а собирание всех костей воспринимается как предпосылка возможного возрождения человека и Космоса [9, с. 31–32; 10, с. 266].

Герой волшебных сказок женится на дочери короля только после прохождения всех ритуально-состязательных боев с соперниками. Он должен достать с высокой башни золотое яблоко, вручить его невесте, и тем самым доказать свое превосходство над другими.

«Воспоминания» о древних ритуальных состязаниях-празднествах сохраняются до сих пор в таких символических элементах конкурсов, свадеб, как призовые кубки, древо жизни и шар в виде золотого яблока. Эти символы в древности были связаны с властью, любовью и плодородием.

Волшебная сказка, рожденная из мифов и ритуалов и обогащенная сказочными мотивами (добавочными и различительными), воплотила в себе значительный пласт культурного и религиозного мировоззрения наших предков и истории народа.

Библиография

1. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
2. *Алшан Г.* Древние верования, или Языческая религия армян. Ереван, 2002.

3. *Puhvel J.* Mythological Reflections of Indo-European Medicine // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
4. *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and Enlarged by Stith Thompson, Second Revision. Helsinki, 1964.
5. *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
6. *Матье М.* Древнеегипетские мифы. М.; Л., 1956.
7. *Никонов В.* Ищем имя. М., 1988.
8. *Гуллакян С.* Указатель мотивов армянских волшебных сказок. Ереван, 1983.
9. *Елизаренкова Т., Топоров В.* О ведийской загадке типа Brahmodya // Паремнологические исследования. М., 1984.
10. *Арутюнян А.* Армянская мифология. Ереван, 2000 (на арм. яз.).

Л. С. Гуцян

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СВАДЕБНОГО ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА
ПРИАЗОВСКИХ И БАЛКАНСКИХ ГРЕКОВ
(начало XX в. — 1970-е гг.)**

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты свадебного обрядового комплекса греков-румеев Приазовья и греков, населяющих Балканскую Грецию и архипелаг. Внимание уделено значимым ритуальным персонам, участвующим в данном обряде. Выбор периода (начало XX в. — 1970-е гг.) обусловлен тем, что сохранились наиболее ранние достаточно полные сведения о свадебном обряде греков Приазовья этого времени, с одной стороны, и тем, что в эту эпоху произошли существенные изменения в структуре свадебного ритуала данной локальной этнической группы — с другой.